

**КОММУНИКАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ЖАНРА СКАЗКИ
В КНИГЕ АННЫ МОВШЕВИЧ
«ТАЙНА СИРЕНЕВОЙ ДОЛИНЫ»**

© 2024

А.А. Курочкина

Курочкина Анна Анатольевна, SPIN-код: 2731-0010, ORCID: 0000-0002-1248-9320, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), chikalinka@mail.ru.

*Статья поступила в редакцию: 20.09.2024**Статья принята к публикации: 11.11.2024*

В статье представлен анализ функционирования жанровых форм сказки в текстах, составивших сборник «Тайна Сиреневой долины». Созданные для чтения и обсуждения в рамках групповых терапевтических сессий с детьми, сказки Анны Мовшевич соотносятся с основными типами литературной сказки: волшебной, новеллистической и о животных. В процессе анализа мы выявляем, как терапевтическая цель сказки определяет состав персонажей и сюжетную структуру текста, а значит, и его жанровую разновидность. А та, в свою очередь, формирует инерцию читательского восприятия, обеспечивающую интуитивное заполнение смысловых лакун и порождающую желаемый терапевтический эффект сказки. Таким образом, в едином художественном хронотопе книги разворачиваются разнообразные, но системно связанные типы сюжетных коллизий, реализующие весь спектр терапевтических задач.

Ключевые слова: литературная сказка, терапевтическая сказка, рецепция жанра, Анна Мовшевич.

Книга сказок Анны Мовшевич «Тайна Сиреневой долины» [Мовшевич 2022] являет собой любопытный пример авторского переосмысления жанра литературной сказки. Помимо двойной коммуникативной адресации, определяющей структуру параллельных повествований (художественного и научно-популярного), сборник интересен оригинальным синтезом актуальных тенденций в развитии жанра.

Книга в полной мере соотносится с культурным и литературным контекстом. Мы имеем в виду моду на так называемые терапевтические сказки. Сам по себе термин «терапевтическая сказка» возник еще в 1990-х гг. вместе с прикладным психологическим направлением «сказкотерапия». На сегодняшний день он давно уже перешагнул порог кабинета психолога и обосновался в массовой культуре, причем не столько в детской, сколько в родительской.

Ежегодно в России издаются все новые терапевтические сказки и появляются все новые авторы, работающие в этом жанре. Целевая аудитория произведений, которые в него входят, состоит из двух частично пересекающихся групп. Первая из них – родители детей дошкольного возраста, практикующие совместное чтение вслух. Для них издаются красочно иллюстрированные терапевтические сказки, преимущественно посвященные развитию эмоционального интеллекта и социализации ребенка. Вторая целевая группа – женщины «в активном психологическом поиске», читательницы популярно-психологической и эзотерической литературы. Для них также издается довольно широкий «репертуар» терапевтических сказок, посвященных поиску себя и «своей стаи», преодолению жизненных кризисов, переживанию травм и налаживанию отношений с самой собой, родителями, детьми, мужчинами и, условно говоря, деньгами. В текстах данного типа сказка преподносится как инструмент диалога с собственным подсознанием. Зачастую такие издания включают в себя элементы интерактива: вопросы по тексту и пустые строки для письменного выражения рефлексии над прочитанным.

Ярким свидетельством востребованности жанра взрослых терапевтических сказок является судьба текстов Аглаи Датешидзе. Датешидзе – известный петербургский психотерапевт. Она начала публиковать свои краткие афористичные терапевтические сказки еще в ЖЖ. Все ее тексты объединяли одинаковый зачин: «Жила была девочка...» (ЖБД), бытовая коллизия, построенная на устойчивой ментальной модели, и алогичный финал. Сказки быстро стали очень популярны, утратили авторство в виртуальном пространстве и породили множество подражаний. Новый жанр ЖБД был крайне популярен в отечественном интернете в 2010-х гг. В 2021-м Аглая Датешидзе опубликовала свои тексты в печатной книге, чтобы восстановить и зафиксировать собственное авторство.

Стоит отметить, что последние несколько лет многие психологи, терапевтирующие сказочными образами и нарративами, активно издают свои книги. Сегодня это рабочий инструмент маркетинговой стратегии развития личного профессионального бренда. Поскольку одна из первичных целей таких изданий – привлечение клиентов, художественным приоритетом автора становится баланс между увлекательностью, узнаваемым стилем и терапевтичностью. Использование сказочных образов и

нарративных моделей в подобной литературе заслуживает отдельного исследования. Здесь мы бегло коснулись этой группы текстов, чтобы обозначить контекст книги Анны Мовшевич, которая сама является практикующим терапевтом.

Еще один важный фактор контекста – растущее количество учебников по созданию терапевтических сказок и правильному их чтению. Многие сборники терапевтических сказок содержат инструкции по их чтению. Издаются и книги, целиком посвященные созданию терапевтических сказок. Многие из них ориентированы на широкий круг профессионалов, работающих с детьми. Некоторые – исключительно на родителей. В зависимости от целевой аудитории читателей, методический бэкграунд сказкотерапии может быть освещен больше или меньше. А вот алгоритм создания сказок очевидным образом восходит к «Грамматике фантазии» Джанни Родари [Родари 1990] и к «Морфологии волшебной сказки» В.Я. Проппа [Пропп 1928]. Есть еще один фактор в общей стратегии таких учебников. Это все большая ориентация на диалог с подсознанием, выстроенный в формате игры, позволяющем обойти преграды ума.

Таким образом, подводя итоги экскурсу в контекст, мы можем сказать, что в современной литературе для родителей сказка презентуется как особый язык разговора, понятный ребенку. На этом языке обсуждаются и сложные чувства, и устройство окружающего мира, и биоразнообразие нашей планеты. А в современной культуре селфхелпа для взрослых сказка воспринимается либо как метафорическое повествование о типичных переживаниях разных этапов взросления, либо как особый язык диалога с подсознанием и совладания с ним.

В этом контексте книга Анны Мовшевич «Тайна сиреновой долины» стоит особняком по двум причинам. Во-первых, это книга сказок, созданных для групповых занятий с детьми и на них доработанных. Иначе говоря, эти сказки отредактированы самим терапевтическим процессом. Во-вторых, это книга научно-популярных очерков, где родителю отводится роль не пассивного исполнителя «лекарственной» сказки, а взрослого собеседника, способного воспринимать информативный научно-популярный текст, рефлексировать собственные сложности и трансформировать свое поведение. Книга изначально ориентирована на двух читателей: на родителя и ребенка. Нарративы для каждого из них отличаются и оформлением, и содержанием, но при этом посвящены одной теме. Каждая сказка, написанная для детей под конкретный проблемный запрос, сопровождается научно-популярной статьей, в которой автор рассматривает причины возникшей проблемы с точки зрения когнитивно-поведенческой терапевтической модели и показывает, каким образом поведение родителя могло спровоцировать проблему ребенка. При этом автору удается избежать пустой назидательности благодаря деликатным лирическим отступлениям о сходных литературных коллизиях и собственных родительских ошибках. Так сложно организована эта книга: здесь сказки, научно-популярные очерки и автобиографический нарратив о профессиональном, читательском и родительском опыте сплетены в ритмически организованное композиционное целое. Так любопытно проявляют себя две профессиональные ипостаси автора: Анна – выпускница филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, большой знаток и ценитель литературы, а по второму образованию и многолетней практике – психолог и когнитивно-поведенческий терапевт.

Сложно организованный диалог автора с родителями мы оставим за пределами нашей статьи, а в соответствии с ее темой обратимся сегодня к самим сказкам. Как уже было отмечено, все сказки созданы окказионально, под конкретные кейсы. Анна много лет вела детские группы по сказкотерапии, и на занятиях в этих группах сказки не только рассказывались и обсуждались, но и менялись, переигрывались, дополнялись. Поскольку группа, как правило, набиралась на учебный год и дети посещали ее раз в неделю на постоянной основе, сказки имеют сквозных персонажей и связаны друг с другом внутренними отсылками. По сути, в «Тайне Сиреновой долины» мы имеем дело с цельной художественной вселенной, в которой есть несколько сквозных антропоморфных персонажей (Поэт, Композитор и Ученый), много разумных животных и предметов, наподобие разумного подъемного крана, и несколько волшебных существ. Книга содержит 29 сказок, из них волшебных только 4. Остальные 25 по форме соотносимы с новеллистическими сказками и сказками о животных.

Любопытно, что в художественном мире книги три указанных жанровых модели используются для оформления трёх типов разрешения проблемной ситуации главного персонажа. Новеллистические сказки рассказывают о приключениях трёх друзей: Поэта, Учёного и Композитора. В этих сказках разрешение проблемной ситуации происходит благодаря различиям главных героев по восприятию мира и практикам социального взаимодействия. Терапевтическое послание в таких сказках заключается в способности видеть ситуацию с разных сторон и принимать чужую оптику как ценность.

Сказки о животных и функционирующие подобно им сказки о живых предметах построены на метафорическом соотношении особенностей ребёнка и главного персонажа (например, трусливого

зебренка, не желающего открываться чемодана или робеющей флейты). В сюжете сказки всегда присутствуют персонажи, воплощающие родительскую поведенческую модель, и персонаж, действующий иначе. Сюжет таких сказок как раз и строится вокруг того, как с изменением реакции на поведение меняется и само поведение. Образ такого персонажа-помощника, с одной стороны, отражает роль и поведение терапевта, с другой – желательное поведение родителя. Таким образом, в сказке реализована двойная коммуникативная адресация – и родителю, и ребёнку.

Оставшиеся четыре сказки, в жанровом отношении соотносимы со сказкой волшебной. При этом каждая из них имеет свою коммуникативную специфику, связанную с переосмыслением узнаваемой жанровой формы.

В сказке «Жил-был Матус» волшебство становится отправной точкой и главной мотивировкой развития сюжета. Место действия – детская. Герои – игрушечный король Матус, крокодил Вильгельм и остальные обитатели комнаты. Завязка конфликта – в неравномерном распределении волшебного порошка, с помощью которого фея наделяет игрушки чувствами. В начале сказки фея щедро одарила короля Матуса всеми чувствами, и он вёл себя как настоящий герой. А вот крокодилу Вильгельму досталась только зависть, причём с избытком. Тогда крокодил обманом выманил у Матуса все чувства, кроме радости, и король стал совершенно беспомощным. Крокодил почти довёл Матуса до смерти, но вмешались остальные игрушки. Они вернули Матусу его мешочек с чувствами, а крокодила фея одарила новым комплектом чувств. Конфликт оказался исчерпан. В сказке о Матусе инерция жанра играет важную роль в создании терапевтического смысла: герой перестаёт быть героем и теряет способность действовать, лишившись всех чувств, кроме радости. Есть враг, есть нехватка, но героя нет. И приключение заканчивается, не начавшись.

В сказке «Добрый день, Чудище» стеснительный мальчик Айдар отправляется в путешествие по иномирию с помощью волшебного помощника – снеговика. В пути он преодолевает свою робость, чтобы защитить новообретенных друзей от врага, однако враг оказывается мнимым. Главным обретением волшебного путешествия становится преодоление собственной робости и осознание иллюзорности своих страхов.

В сказке «Дракончик в городе» главный герой, дракончик, сбегает из иномирия в реальный мир с помощью волшебного зелья. Причём сбегает он от настойчивых просьб бабушки познать самого себя. Чтобы вернуться в иномирие, дракончик проходит длинный путь, узнавая оттенки собственного внутреннего пламени. Основной терапевтический посыл сказки в том, что ошибки и приключения – лучший способ познакомиться с самим собой.

И наконец, в сказке «Тайна Сиреновой долины», давшей название всей книге, гномы отправляются в путь на волшебную гору, чтобы победить дракона, который по преданию однажды уничтожит весь гномий мир. Дракон оказывается очень дружелюбным и одиноким, а страшный рык, от которого каждый день сотрясается гномье царство, оказывается радостной приветственной песней солнцу. Поход заканчивается обретением нового друга. Верификация «общего знания» и разоблачение мнимого врага, казалось бы, должны разрушить жанровую принадлежность текста, но нет. К концу сказки становится ясно, что истинный враг побеждён, и это страх перед неизвестным и непонятным.

Коммуникативная специфика жанра волшебной сказки в книге Анны Мовшевич в том и заключается, что инерция жанра подталкивает читателя к тому, чтобы заполнить лакуны на месте недостающих героев и функций в структуре сюжета. Истинными антагонистами оказываются заблуждения, иллюзии и когнитивные искажения героев. Так и формируется терапевтический смысл в этой замечательной книге.

Источники

Мовшевич 2022 – Мовшевич А. Тайна Сиреновой долины. Нижний Новгород, 2022.

Литература

Пропп 1928 – Пропп В.Я. Морфология сказки. Л., 1928.

Родари 1990 – Родари Д. Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания историй. М., 1990.

Фиалкова 2010 – Фиалкова Л.Л. Прикладное применение фольклора // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 147–176.

COMMUNICATIVE SPECIFICS OF THE FAIRY TALE GENRE IN ANNA MOVSEVICH'S BOOK "THE SECRET OF THE LILAC VALLEY"

A.A. Kurochkina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article presents an analysis of the functioning of fairy tale genre forms in the texts from the collection "The Secret of the Lilac Valley". Created for reading and discussion in group therapy sessions with children, Anna Movshevich's fairy tales relate to the main types of literary fairy tales: magic, short stories, and animals. In the process of analysis, the article reveals how the therapeutic purpose of a fairy tale determines the composition of characters and the plot structure of the text, and therefore its genre variety. And that, in turn, forms the inertia of the reader's perception, which provides intuitive filling of semantic gaps and generates the desired therapeutic effect of the fairy tale. Thus, in a single artistic chronotope of the book, various, but systemically related types of plot collisions unfold, realizing the full range of therapeutic tasks.

Keywords: literary fairy tale, therapeutic fairy tale, reception of the genre, Anna Movshevich.